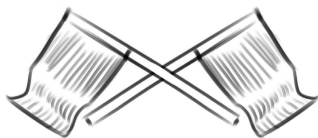

*Посвящается Дэвиду Пратчетту
и Джиму Уилкинсу –
двум блестящим инженерам,
которые научили своих детей
осмотрительности*

Сложно постичь ничто, хотя множественная вселенная полна им. Ничто странствует повсюду, вечно что-то опережает, и в великом облаке неведомого ничто стремится стать чем-то, вырваться наружу, прийти в движение, ощущать, меняться, танцевать, познавать — попросту говоря, *быть* чем-то.

И когда такой шанс повис в воздухе, ничто ухватилось за него. Ничто всегда знало про что-то, но это что-то было совсем не похоже на другие, и вот ничто тихо проскользнуло во что-то и поплыло, грезя обо всем сразу, и удачно приземлилось на спину одной очень большой черепахе, и поспешило скорее стать чем-то. Это было стихийно, это было фантастически, и вдруг — стихия попала в ловушку! Приманка сработала.

Всякий, кто хоть раз видел берега и воды реки Анк, кишашие самой несусветной дрянью, должен понимать, почему рыбными деликатесами жителей Анк-Морпорка в полном объеме снабжал рыболовецкий флот Щеботана. Анк-морпоркские рыботорговцы, в порядке профилактики ужасных желу-

Терри Пратчетт

дочных заболеваний среди населения, следили за тем, чтобы товар попадал на их прилавки из сетей, закинутых как можно дальше от города.

Для поставщика первоклассных морепродуктов Боудена Джеффриса двести с лишним миль, разделявшие рыболовные базы Щеботана и рынки Анк-Морпорка, были трагически долгим расстоянием, особенно зимой, осенью и весной, а летом так и во все сущей пыткой, когда дорога, если это можно так назвать, превращалась в раскаленную печку протяженностью до самой столицы. Если ты однажды имел дело с тонной перегретой осьминожины, это навсегда оставалось в твоей памяти. Запах потом стоял еще не один день, преследовал тебя даже тогда, когда ты ложился спать, и ни в какую не хотел отстирываться от одежды.

Люди — ужасно требовательные создания, вот и элита Анк-Морпорка (да и не только элита) хотела получать свежую рыбу даже в самые жаркие дни года. Собственными руками Джеффрис смастерил ледник и даже организовал на полпути смену, но все равно вонь стояла такая, что, ей-богу, слезы наворачивались на глаза.

Так он и сказал своему кузену Релаксу Джеффрису, садоводу и огороднику, который в ответ опустил взгляд в кружку с пивом и сказал:

— А вот всегда так. Никто не думает о мелком предпринимателе. Ты хоть представляешь, как быстро ягоды клубники превращаются в кашу на жаре? Так вот я тебе скажу: очень быстро. Моргнешь — и нет твоей клубники, а покупателю подавай ягоду. А спроси у зеленщика, как непросто довести чертов кресс-салат до города, чтобы он не завял, как уши

ПОДДАЙ ПАРУ!

прихожан на двухчасовой проповеди. Мы должны жаловаться правительству!

— Нет, — пресек его кузен. — Я уже сыт этим по горло. Лучше давай напишем в газеты! Вот как дела надо делать. Все ведь жалуются на фрукты, на овощи, на рыбу. Пусть уже Витинари войдет в положение мелкого предпринимателя. В конце концов, зачем-то же мы иногда платим налоги?

Дику Кексу было десять лет, когда в их семейной кузнице в Овцекряжье его отец взял и исчез среди разлетевшихся обломков кузнечного горна и кусков железа, в облаке розоватого пара. Его так и не нашли в кошмарном тумане, который буквально обжигал своей сыростью, но в тот день маленький Дик дал слово отцу, навсегда оставшемуся в этом обжигающем мареве, что он поработит пар.

Но у его матери были другие планы. Элси Кекс была повитухой — и говорила соседям: «Детишки везде рождаются. Без клиентов не останусь». Так что вопреки желаниям сына мать увезла его из родного дома, который теперь почитала проклятым. Она собрала все свои пожитки, и они вдвоем вернулись в родное гнездо Элси в окрестностях Сто Лата, где люди не исчезали необъяснимым образом в горячих розовых облаках.

Вскоре с мальчиком приключилось нечто знаменательное. Однажды, ожидая возвращения матери со сложных родов, Дик набрел на любопытное здание, которое на поверку оказалось библиоте-

Терри Пратчетт

кой. Поначалу он было решил, что книги состоят сплошь из напыщенной чепухи: все эти короли, поэты, возлюбленные, баталии, — но в одной, все определившей для него книге он обнаружил нечто под названием *математика* и целый мир чисел.

Вот почему в один прекрасный день, десять лет спустя, он набрался духу, насколько хватило легких, и признался матери:

— Помнишь, ма, как в прошлом году я сказал, что иду с друзьями в поход в горы Убервальда? Короче, я вроде как, это, типа немного приврал, но только чуть-чуть, честное слово. — Дик покраснел. — Дело в том, что я нашел ключи от старой папиной мастерской, ну и, в общем, поехал в Овецкряжье, провел там пару экспериментов, и, короче... — Он с тревогой посмотрел на мать. — Кажется, я понял, в чем была папина ошибка.

Дик был готов к категоричным возражениям, но слез — столько слез — он не ожидал. Пытаясь успокоить мать, он добавил:

— Ма, вы с дядей Флавием дали мне образование, я теперь знаю и цифры, и арифметику, и даже всякие странные штуки, выдуманные эфебскими философами, где даже верблюды копытами чертят графики. А папа не знал ничего такого. У него были интересные идеи, но он не разбирался в *технологии*.

Когда он наконец дал матери вставить слово, та сказала:

— Знаю уж, что никак тебя не отговорить, сыночка, в этом ты весь в отца, такой же твердолобый. И этим ты занимался в амбаре? *Эхо-логией*? — Она посмотрела на него с укоризной и вздохнула: —

ПОДДАЙ ПАРУ!

Не стану указывать тебе, что делать, но вот ты сам мне скажи: как твои *ложнорифмы* уберегут тебя от судьбы бедного твоего отца? — И она снова разразилась рыданиями.

Дик достал из кармана куртки нечто похожее на волшебную палочку для карликового волшебника и объявил:

— Вот что уберезет меня от беды, ма! Я освоил счетную линейку! Я могу командовать синусом, и распоряжаться косинусом, и даже искать квадратные корни! Так что кончай беспокоиться, и пойдем лучше со мной в амбар, я хочу кое с кем тебя познакомиться.

Госпожа Кекс нехотя потащила за сыном в большой амбар, где он обустроил себе мастерскую, как в Овцекряжье. Напрасно мать надеялась, что сын каким-то чудом нашел себе девушку. Войдя внутрь, она беспомощно поглядела на большой металлический круг, который занимал большую часть амбара. Что-то металлическое со свистом носилось в нем кругами, как белка в колесе, источая специфический запах, похожий на запах камфоры.

— Вот она, мамуль. Правда, красавица? — ликовал Дик. — Я зову ее Железная Ласточка!

— Да, но что это такое?

Он расплылся в улыбке:

— Это называется *про-то-тип*. Нельзя стать инженером, если у тебя нет прототипа.

Мать слабо улыбнулась, но Дика было не остановить. Слова так и сыпались из него:

— Смысл в том, что, прежде чем браться за какое-то дело, нужно хоть немного представлять, что такое ты хочешь сделать. Мне как-то попалась

Терри Пратчетт

одна книга в библиотеке, и было там про то, как работают архитекторы. Так вот, автор написал, что каждый раз, перед тем как браться за новый большой дом, он делал малехонькие модельки, чтобы понять, как у него все это получится. Он говорит: как бы нудно это ни казалось, но если ты хочешь чего-то добиться, главное, никуда не спешить и подходить ко всему обстоятельно. Вот я и экспериментирую с ней, чтобы понять, что у нее получается, а что нет. Я так-то собой очень даже доволен. Сначала я сделал колею деревянной, а потом подумал, что сюда нужен такой тяжелый мотор, вот я и порубил деревяшку на дрова и вернулся в нашу кузницу.

Госпожа Кекс разглядывала миниатюрный механизм, наворачивающий круги на амбарном полу.

— Да, сыночка, но для чего это? — поинтересовалась она, что есть силы пытаясь понять, о чем он толкует.

— Я вспомнил, как папа однажды следил за кипящим чайником, и заметил, что под давлением крышка на нем прыгает вверх и вниз. Папа тогда сказал мне: когда-нибудь кто-то смастерит такой большой чайник, что он будет поднимать штуки и потяжелее крышки. И я думаю, что с моими знаниями могу смастерить такой чайник, ма.

— Но где же такое может пригодиться, сыночка? — спросила мать строго.

У сына загорелись глаза, и он ответил:

— Везде, мама. *Везде.*

Все еще недоумевая, госпожа Кекс смотрела, как сын развернул перед ней большой и сильно замызганный лист бумаги.

ПОДДАЙ ПАРУ!

— Это, мама, называется чертеж. Чертеж нужен обязательно. На нем видно, как все друг с другом состыкуется.

— Это часть твоего *про-то-типа*?

Юноша заглянул в лицо своей любящей матери и понял, что от него ждут более подробного объяснения. Тогда он взял ее за руку и сказал:

— Ма, я понимаю, что для тебя это одни только палочки да кружочки, но если бы ты разбиралась в палочках и кружочках, то поняла бы, что перед тобой схема мотора.

Госпожа Кекс вцепилась в его руку:

— И что же ты собираешься с этим делать, а, Дик? И юный Дик усмехнулся и с блаженством на лице произнес:

— Менять все, что требует перемен, мама.

Госпожа Кекс с любопытством взгляделась в лицо сына, после чего скрепя сердце приняла решение.

— А ну-ка ступай со мной, сын.

Она повела его обратно в дом, и по лесенке они взобрались на чердак. Госпожа Кекс указала ему на прочный моряцкий сундук, заросший пылью:

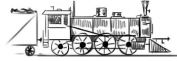
— Твой дедушка наказал, чтобы я передала это тебе, когда понадобится. Вот ключ.

Мать порадовалось, что он не стал сразу хвататься за ключ, а сперва внимательно осмотрел сундук и только потом отпер его. Когда Дик приподнял крышку, чердак озарился мерцанием золота.

— Твой дедушка был немножко пиратом, а как уверовал, то и струхнул. А его последние слова на смертном одре были такие: «Твой малец еще заявит о себе, помани мое слово, девочка моя, но чтоб мне провалиться, если я знаю, что он там заявит».

Терри Пратчетт

Жители города уже давно свыклись с лязгом и дребезгом, ежедневно доносящимися из многочисленных кузниц, которыми славился этот край. Но вышло так, что, даже обзаведясь собственной кузницей, юный Дик Кекс предпочел не заниматься кузнечным ремеслом, возможно, как раз из-за того, каким жутким и внезапным образом покинул этот мир господин Кекс-старший. Для местных кузнецов вскоре стало обычным делом изготавливать на заказ непонятные предметы, которые Кекс-младший тщательно для них зарисовывал. Дик никогда не признавался, что же такое он мастерит, но поскольку кузнецы зарабатывали на нем кучу денег, они и не возражали.

Разлетелись вести о его наследстве (как же без этого — золото всегда найдет способ просочиться в пространство), и горожане чесали в затылках, соглашаясь со старейшим жителем городка, который, рассевшись на лавке у входа в таверну, воскликнул:

— Вот те на! Парню привалил ящик золота в наследство, а он возьми и преврати все в грудку старого железа!

Он рассмеялся, и остальные рассмеялись, но тем не менее продолжали наблюдать, как юный Дик Кекс ходит в старейший, разваливающийся на части амбар, неизменно запертый на два висячих замка.

Дик нашел среди местных парней пару перспективных ребят и зазвал их себе в помощники: делать то, двигать это. Амбар постепенно обрастал пристройками. Были наняты дополнительные помощ-

ПОДДАЙ ПАРУ!

ники. Весь день напролет изнутри доносился стук молотков, и по словечку, по капельке в некое коллективное сознательное просачивалась информация.

Парень-де соорудил насос, особенный такой насос, который качает воду с огромной глубины. А потом все бросил и заявил, мол: «Нам не нужно железо — нам нужна сталь!»

Из уст в уста передавались предания о громадных кипах бумаг на столах, за которыми Дик корпел над своим замечательным «предприятием», как он это называл. Разумеется, случался иногда и взрыв-другой, и тогда поползли слухи о том, что рабочие называли «бункером», куда нужно было прыгать, если случалось... недоразумение. А потом появилось незнакомое, но какое-то уютное мерное пыхтение. Очень приятный на самом деле звук, почти гипнотизирующий. Странно, что механический зверь, который производил эти звуки, на слух казался живее, чем следовало ожидать.

Местные подметили, что двое главных помощников господина Кекса (или Чокнутого Железного Кекса, как его теперь величали) как будто изменились, повзрослели, что ли, и были уже не юнцами, а сосредоточенными молодыми людьми, служителями таинственного механизма за закрытой дверью. И ни кружкой пива, ни лаской женщины из таверны — никакими взятками нельзя было заставить их раскрыть вожаделенные секреты амбара*.

* По этому поводу отпускались кое-какие непристойные комментарии, но, к прискорбию местных незамужних девиц, всем стало ясно, что Чокнутый Железный Кекс и его механики интересовались своими железяками куда больше, чем женщинами.

